

С именем Бориса Акунина, в миру Григория Шалвовича Чхартишвили, связано устойчивое представление о так называемом "литературном проекте".

"Литературный проект" – новая (для России) технология "делания имён", в составе которой литературная деятельность и её коммерческое сопровождение идут рука об руку. "Литературный проект" включает трансформацию "под проект" фигуры автора и её мифологизацию, серийный замысел и серийное же воплощение его, серийное оформление, вегетативное размножение проекта в среде других жанров (театр, кинематограф). Цель "литературного проекта" – успех во всех смыслах этого слова.

С Борисом Акуниным беседует Леонид КОСТЮКОВ.

– Скажите, Григорий Шалвович, не кажется ли вам, что литературный проект как жанр вытесняет роман?

– В беллетристике – да. Проект более целесообразен в первую очередь с рыночной точки зрения: серия романов имеет больший коммерческий потенциал, чем одиночный роман, даже если это бестселлер. Что касается некоммерческой литературы, то она существует по собственным законам, и здесь, по-моему, ничего не изменилось.

– А, допустим, романы Достоевского складываются в проект?

– Достоевский – это ситуация XIX века. Взаимоотношения писателя и читателя другие. Рынок отсутствует. Различия между беллетристкой и серьёзной литературой минимальны. Просто-напросто грамотных людей гораздо меньше, чем теперь. По-моему, к Фёдору Михайловичу Достоевскому понятие проекта неприменимо и психологически. Он человек эмоциональный, а не логический, им движет чувство и вдохновение. Это видно по тому, насколько его художественные тексты выше по уровню, чем публицистика. Это не проект, а Путь. Проект же – тщательно рассчитанная и выстроенная архитектурная конструкция.

– Если оставаться в рамках архитектурной метафоры – можно надстроить уже готовое здание на несколько этажей или в пандан удачному дому соорудить целую улицу. Контан Дойл, когда писал первые повести про Шерлока Холмса, наверное, не думал об этих итоговых томах?

– Да, есть такой вариант, как развитие успеха. Но если говорить о проекте "Борис Акунин", то это город, построенный не стихийным образом, а по некоему градостроительному плану: отдельные дома, улицы, их пересечения заранее просчитаны.

– Вы сейчас ориентируетесь на

Писатель Б. Акунин, автор проекта "Фандорин".

Актер И. Носков, исполнитель роли Фандорина.

Фандорин против автора

читателя романа или на читателя проекта? Некоторые ваши ходы в контексте и вне его можно трактовать полярно. Например, "свежий" читатель "Внеклассного чтения", когда доходит до описания могилки маленького Мити Карпова, роняет по нему слезу, а умудрённый началом и концовкой "Коронации" понимает авторский намёк: всё будет в порядке.

– Все романы рассчитаны на автономное прочтение. Вместе с тем для своего читателя предусмотрены бонусы. Он понимает в происходящем больше, чем первичный читатель, потому что лучше усвоил правила предлагаемой игры. Знаете, как в компьютерных стратегиях – там есть "миссии", то есть одиночные игры, и есть "кампании", то есть целый каскад "миссий". В литературном проекте этот каскад выстраивается естественным образом. Бонусов чем дальше, тем больше. Я думаю, "Любовница смерти", прочитанная как первый роман об Эрасте Фандорине, может произвести на читателя странное впечатление – к этому моменту "Большая фандоринская игра" зашла уже слишком далеко.

– Давайте опишем тот же эффект в немногих терминах. Вы завоевывали доверие читателя, завоевывали его, а теперь можете им...

– Злоупотреблять.

– Скажем, пользоваться.

– Я так и делаю. В первых романах я

не отступал от канонов жанра приключенческого романа, а потом позволял себе всё больше вольностей. В "Пелагии и белом бульдоге" есть целая вставная глава – пародия на беседы с Сократом. Для детективного романа это отступление от сюжетности – настоящее хулиганство. Во всех романах, начиная с "Белого бульдога" и "Коронации", вначале некий порожек – намеренное занудство. Это нечто вроде системы распознавания "свой – чужой". Мои постоянные читатели не заскучают, а новый читатель должен вскарабкаться на эту сту-

Б. Акунин:
«То в сортир его засажу,
то в подпол загоню,
а он, как Терминатор,
выходит из всех
передраг».

пеньку. Не захочет – значит, не мой читатель, не будем с ним отрывать друг у друга время.

– В ваших романах есть такое сквозное утверждение: идея порождает организацию; организация есть зло. Правильно я вас понял?

– Приблизительно. Организация, которая ставит цель выше средств, превращается в инструмент Зла, сколь бы благородны ни были её задачи. Если подавляется нравственное чувство меры, если отказывается этический камертон, возможна любая гадость. Мои злодеи – это люди с благими намерениями, отключившие этот камертон.

– Опять Достоевский: "нравственно поступать противу своих принципов".

– Да. Это очень русская, а теперь ещё и исламская тема. Альтруисты, совершающие чудовищные преступления во имя великой Идеи – будь то свобода, равенство-братство или борьба с империализмом.

– Попробую вас подловить: Фандорин выглядит человеком идеи.

– Фандорин опирается на некую незыблемую точку в нём самом. Он знает, что допустимо, а что недопустимо. И не пытается перестроить мир, а лишь упорядочить его на расстоянии вытянутой руки. Мир всё равно располагается. Человек строит и совершенствует свой личный мир. Цель Фандорина – он сам.

– Фандорин не верит в Бога.

– Он не верит во внешнюю опору, в

Б. Акунин рвётся к работе.